

# РАММПА

## И ЖИЗНЬ

№ 24.

1910

13 июня 1910 г.

А. П. Чеховъ, очевидно, съ большимъ трудомъ поднялся на четвертый этажъ, гдѣ жила Вѣра Федоровна.

Онъ вошелъ, тяжело дыша, силнымъ, прерывающимъ голосомъ сказалъ: „здравствуйте!“ Пожавъ намъ руки, онъ тяжело опустился на диванъ.

— Усталъ... Высоконько же вы живете, Вѣра Федоровна...— произнесъ онъ, помолчавъ, и закашлялся.

Какъ сейчасъ вижу его сгорбленную, осунувшуюся фигуру, сидящую на низкомъ диванѣ, съ наклоненной головой, съ блѣдыми, какъ кипень руками, висящими между колѣнъ.

На худомъ, сѣровато блѣдномъ лицѣ—болѣзненная усталость. Клокъ волосъ прилипъ къ потному лбу. Губы безкровныя, синія. Глаза уныло смотрятъ въ одну точку. Въ бородкѣ—серебристыя нити сѣдины.

Сильно потрепала его жизнь, да и болѣзнь помогла.

Антонъ Павловичъ то и дѣло покашливалъ, стыдливо отворачиваясь и поднося платокъ ко рту.

— Что это вы, Антонъ Павловичъ, торчите въ такое время въ Москвѣ? Жара, духота, пылица...—невольно вырвался у меня вопросъ.

— Да вотъ никакъ не могу уѣхать изъ Москвы... То жена была больна... то все какія-то дѣла... Каждый день собираюсь уѣзжать, да все что-нибудь задерживаетъ... То одно, то другое...

— Въ Крымъ, къ себѣ, поѣдете?..

— Да, вѣроятно, въ Крымъ... Хотѣлъ за границу, да нельзя... Теперь въ Крыму жара африканская... Да и скучно. Я не люблю Крыма... Декорація какая-то... Постоянно жить въ Крыму невыносимо скучно... Тоскливо...

— Написали что-нибудь для театра?—спросила Вѣра Федоровна.

— Да, пишу...—нехотя, конфузливо улыбаясь, отвѣтилъ Антонъ Павловичъ.—Пишу не то, что надо... Не то, что хотѣлось бы писать... Нудно выходить... Совсѣмъ не то теперь надо...

— А что же?

— Совсѣмъ другое надо... Бодрое... Сильное... Пережили мы сѣрую канитель... Поворотъ идетъ... Круто повернули...

— Развѣ пережили? Что-то не похоже...—усомнился я.

— Пережили... увѣрю васъ...—убѣжденно сказалъ Антонъ Павловичъ.—Здѣсь, въ Москвѣ, да и вообще въ столицахъ, это не такъ замѣтно... У насъ на югѣ волна сильно бьетъ... Въ народѣ сильное броженіе... Я недавно бесѣдовалъ съ Львомъ Николаевичемъ... И онъ тоже видитъ... А онъ старецъ прозорливый... Гудитъ, какъ улей, Россія... Вотъ вы посмотрите, что будетъ года черезъ два-три... Не узнаете Россіи...

Антонъ Павловичъ оживился, всталъ съ дивана и, заложивъ одну руку въ карманъ, сталъ ходить по комнатѣ.

— Вотъ мнѣ хотѣлось бы поймаъ это бодрое настроеніе... Написать пьесу... Бодрую пьесу... Можетъ быть и напишу... Очень интересно... Сколько силы, энергіи, вѣры въ народъ... Прямо удивительно!..

Антонъ Павловичъ перелалъ свои наблюденія изъ жизни крестьянъ и рабочихъ. Голось его зазвучалъ громче, увѣреннѣе. Глаза загорѣлись нервнымъ огнемъ. Вся фигура помолодѣла.

Вѣрнѣ онъ, всей своей чуткой душой вѣрнѣ, что конецъ сумеркамъ, что наступаетъ новая жизнь. Весна идетъ. Изъ народа поднимаются бодрія силы, призванные оживить будничную, томительно тягучую, русскую жизнь. Въ больную грудь Ант. Пав. Чехова эта вѣра вдохнула свѣжія силы. Онъ переродился подъ влияніемъ этой вѣры. Чеховъ, смотрѣвшій на жизнь

## Двѣ послѣднія встрѣчи съ Ант. Пав. Чеховымъ.

Евт. П. Карпова.

Я познакомился съ Антономъ Павловичемъ Чеховымъ зимой 1888 года, въ театрѣ Корша. Мы случайно встрѣтились въ узкой, тѣсной комнаткѣ театральной бібліотеки. Антонъ Павловичъ самъ первый подошелъ ко мнѣ, назвалъ свою фамилію и заговорилъ о пѣсѣ и артистахъ-исполнителяхъ.

Молодой, жизнерадостный, съ открытымъ симпатичнымъ лицомъ, на которомъ пробивалась мягкая борода, съ задумчивымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ, лукаво смотрящихъ изъ-подъ пенснэ, съ доброй, милой улыбкой, Антонъ Павловичъ произвелъ на меня приятное впечатлѣніе. Славнымъ мальмы, студентомъ вѣяло отъ его статной, худощавой фигуры.

Много разъ потомъ мнѣ приходилось встрѣчаться съ Антономъ Павловичемъ, и въ дѣлѣ, при постановкѣ его пьесы, и въ приятельскихъ, литературныхъ кружкахъ, въ бесѣдѣ за стаканомъ вина. И чѣмъ ближе я узнавалъ его, тѣмъ симпатичнѣй, роднѣй по духу становился онъ мнѣ.

Особенно ярко отчетливо вѣзались мнѣ въ память двѣ послѣднія встрѣчи съ Антономъ Павловичемъ Чеховымъ.

Живя въ Москвѣ, въ іюнѣ 1902 года, я какъ-то зашелъ къ В. Ф. Коммиссарьевской, которая въ это лѣто играла съ своей труппой въ театрѣ „Акваріумъ“. Поговоривъ о театральныхъ дѣлахъ, я уже собирался уходить, какъ пришелъ Антонъ Павловичъ.

Онъ выдалъ его уже года два и, конечно, очень подался, акой нечаянной встрѣчѣ.

взглядом тонкаго наблюдателя, видѣвшій въ ней матеріаль для невиннаго юмора, авторъ „Сумерекъ“, „Хмурыхъ людей“, „Иванова“, бытописатель обывательскихъ будней, котораго упрекали въ индиферентизмѣ къ общественной жизни и ея запросамъ, въ этотъ вечеръ явился передо мной въ новомъ образѣ.

Разбитый, изъѣденный чахоткой, стоящій уже одной ногой въ могилѣ, Антонъ Павловичъ поразилъ меня силой своей вѣры въ пробужденіе народа, въ живучесть народнаго духа, въ торжество правды.

Съ нервной горячностью, „упорствуя, волнуясь и спѣша“, онъ говорилъ о движеніи въ земствѣ, о новыхъ сектантскихъ теченіяхъ на югѣ Россіи, о народившемся типѣ интеллигента изъ народа. Говорилъ, что литература обязана итти навстрѣчу народному движенію... Должна поймать и запечатлѣть новыя общественныя вѣянія...

Никогда не видалъ я такимъ Антона Павловича, никогда не слыхалъ отъ него такихъ горячихъ рѣчей.

Незабвенное впечатлѣніе произвела на меня эта встрѣча съ Антономъ Павловичемъ. Онъ вырисовался для меня съ новой, невѣдомой мнѣ стороны.

Пророчество Антона Павловича сбылось. Россія пробудилась, пережила бурный періодъ историческаго переворота, но А. П. Чехову не суждено было увидѣть этого.

*(Окончаніе слѣдуетъ.)*

**Ев. Карповъ.**